

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

<https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-2.2>

УДК 330.858

JEL B24, B49

Р. М. Нуреев ^{а, б)}, П. А. Ореховский ^{б)}

^{а)} Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва, Российская Федерация; e-mail: nureev50@gmail.com)

^{б)} Институт экономики РАН (Москва, Российская Федерация)

ДИСКУССИИ ВОКРУГ ОСНОВНОГО ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ОТНОШЕНИЯ В ПОЛИТЭКОНОМИИ СОЦИАЛИЗМА: КОГНИТИВНЫЙ ТУПИК 1970-Х¹

В 1970-е гг. в СССР происходила быстрая трансформация социально-экономических отношений и внешней политики. Однако политэкономия социализма, которая была основой советской экономической науки, оставалась неизменной. В ее рамках шли дискуссии, которые ретроспективно выглядят как полностью схоластические, тем не менее по результатам этих дискуссий происходили подъем или падение известных в то время ученых.

Применяемый в работе подход характеристики когнитивных структур и дискурсивного анализа позволяет выявить основные свойства коллективной мысли отечественных политэкономов. Делается вывод о том, что в 1970-е гг. политэкономия социализма оказалась в когнитивном тупике, что, с одной стороны, вело к воспроизводству всё более изоциренных марксистских идеологем, с другой — закрывало возможности продвижения к варианту «социализма с китайской спецификой».

Данная статья посвящена дискуссиям вокруг «основного производственного отношения» — общественной собственности. Доказывается, что советским политэкономам так и не удалось определить специфику этого отношения применительно к реальному социализму. Причиной этого была коллективная когнитивная структура, в рамках которой осуществлялась самоцензура и шли дискуссии, а не внешнее политическое давление и репрессии.

Ключевые слова: социализм, производственные отношения, отношения собственности, когнитивные структуры и циклы, «слепое пятно»

Для цитирования: Нуреев Р. М., Ореховский П. А. Дискуссии вокруг основного производственного отношения в политэкономии социализма: когнитивный тупик 1970-х // Журнал экономической теории. 2021. Т. 18. № 2. С. 185-196. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-2.2>

¹ © Нуреев Р. М., Ореховский П. А. Текст. 2021.

Debates around the Basic Production Relationship in Political Economy of Socialism: The Cognitive Deadlock in the 1970s

The 1970s in the USSR saw a rapid transformation in socio-economic relationships and foreign policy. However, the political economy of socialism that underpinned Soviet economics remained unchanged. In retrospective, the debates of Soviet political economists may seem like entirely scholastic but they, nevertheless, had some practical implications, causing the rise and fall of some renowned scholars.

This study uses discourse analysis methods to shed light on the key strands of collective thought in Soviet political economy. In the 1970s, the political economy of socialism found itself trapped in a cognitive deadlock, which, on the one hand, led to the reproduction of the more and more sophisticated Marxist ideologemes and, on the other, opened new possibilities of movement towards 'socialism with Chinese characteristics'.

This article focuses on the debates around the 'main relation of production' — public property. It is shown that Soviet political economists failed to identify the specificity of this relation with regard to the actually existing socialism. This happened not because of the political pressure or persecutions but because of the collective cognitive structure, within which the debates were conducted and self-censoring was taking place.

Keywords: socialism, production relations, property relations, cognitive structures and cycles, "blind spot"

For citation: Nureev, R. M., & Orekhovskiy, P. A. (2021). Debates around the Basic Production Relationship in Political Economy of Socialism: The Cognitive Deadlock in the 1970s. *Zhurnal Ekonomicheskoy teorii* [Russian Journal of Economic Theory], 18(2), 185-196. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-2.2>

Вводные замечания: когнитивные структуры, поле экономической науки, исторический контекст

В основе исследования лежит представление о существовании когнитивных циклов, разворачивающихся в экономической науке. Фазы этих циклов внешне совпадают с хорошо известным механизмом смены парадигм по Т. Куну:

- революционный сдвиг: меняются и основные темы, и риторика;
- совершенствование: оттачиваются риторика, определения, дополняются подходы;
- застой: схоластические дискуссии о том, что действительно имели в виду «классики» (напр., Маркс и/или Кейнс, Вальрас и/или Маршалл и т. д.), количественные, инструментальные измерения, обсуждение качества статистических результатов, их обработки.

Когнитивные циклы, как и смена парадигм, имеют своей основой изменения в коллективном сознании субъектов. Мы используем понятие «когнитивной структуры» для характеристики специфики того или иного состояния такого коллективного субъекта — в данной работе речь пойдет о советской политэкономии социализма и ее известных представителях. Важное отличие когнитивной структуры от более привычного понятия «парадигма» связано с открытостью первой для самых разных социальных событий. Попросту сказать, изменения парадигм, а также и «научных программ» И. Лакатоса являются в основном «внутридисциплинарными», в то время как когнитивные

структуры зачастую являются «междисциплинарными», включенными в самые разные «социальные практики».

Когнитивные структуры, как и когнитивные циклы, оставляют свои «материальные следы» в текстах. Основной инструмент, который мы используем для исследования эволюции политэкономии социализма, — дискурсивный анализ. Последнему в отечественной литературе посвящены уже сотни философских, социологических, политологических работ. Среди экономистов, по-видимому, наиболее популярны работы Д. Макклоски (2015) и А. Кламера (2015), показывающие роль дискурсов (речевых практик) в экономической науке. Следует также отметить роль герменевтики — без необходимой подготовки и понимания «духа времени» многие сочинения (большинство?) советских политэкономов выглядят пустым жонглированием цитатами К. Маркса, В. Ленина и — по вкусу авторов — тех или иных современников.

На наш взгляд, к политэкономии социализма нельзя подходить с обычными критериями позитивистской науки, предполагающей сбор и обобщение эмпирического материала, выдвижение гипотез, их верификацию, дальнейшее построение вербальных и/или экономико-математических моделей, позволявших получать прогнозы развития социалистической экономики. Известные всем интересующимся этим предметом историкам мысли споры 1925 г. в Коммунистической академии вокруг предмета политэкономии уже тогда обнажили про-

блему статуса будущей науки (История политэкономии социализма, 1983). Используя прием радикализации, можно сказать, что вплоть до 1954 г., т. е. выхода первого советского учебника политэкономии, никакой «экономической теории социалистического способа производства как-то без нее обходилась. Естественно, это не означает, что в СССР не было отдельных глубоких работ, посвященных денежному обращению, планированию и даже структурной политике (достаточно указать на «Тектологию» А.А. Богданова или на теорию «двух регуляторов», включая «закон социалистического накопления» Е.А. Преображенского). Тем не менее, как ни странно, общественный строй, объявивший сам себя как «научный» впервые в истории человечества, не обладал ни проектом строительства социализма, ни теорией, которая описывала бы закономерности его функционирования.

Появление первого советского учебника совпало с высокими темпами экономического роста, хрущевской «оттепелью» и целым рядом других исторических событий. Это привело к острым дискуссиям о том, что понимать под социализмом, под коммунизмом, каким должен быть «новый человек», воспитанный в условиях нового строя. Но первый учебник, хотя и структурировал новую экономическую теорию, позволяя преподавать политэкономии социализма студентам, отнюдь не давал ответов на эти «большие» вопросы. Он не был для этого предназначен, поскольку решал задачу легитимации существующего экономического порядка, объявляя «социализмом» ту реальность, которая сложилась в начале 1950-х гг. В сущности, учебник представлял собой бодрийаровский симулякр — «копию», не имеющую оригинала в реальности. Это «знак», не имеющий под собой означаемого объекта и наполняемый тем или иным социальным содержанием субъектами, так или иначе использующими этот знак (Бодрийар, 2003). Поскольку никто не знал, что такое социализм, в качестве такового можно было предъявить реальность практически любой национальной экономики — например, Англии, ФРГ, Швеции, а не только СССР.

В то же время появление теоретического описания советской экономики, претендующего на определенную степень полноты, т. е., включение характеристик наиболее важных элементов этой новой системы, вызвало огромный интерес. И это, на наш взгляд, соот-

ветствовало первой фазе когнитивного цикла в развитии экономической теории — конечно, появление первого советского учебника ознаменовало «революционный сдвиг».

В нашу задачу не входит характеристика дискуссий (и «косыгинской реформы») 1960-х гг. В данной работе для нас наибольший интерес представляет сравнительно небольшой сюжет истории дискуссий вокруг важнейшей марксистской конструкции — закона соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил. Как нам представляется, интерес к основам марксизма знаменовал собой переход к третьей фазе когнитивного цикла — это своеобразный «эскапизм» советских политэкономов. Трудно представить себе что-то более далекое от практики «реального социализма», чем «метод восхождения от абстрактного к конкретному», классификация «производительных сил» и «основное производственное отношение». Но именно этим и занимались едва ли не самые авторитетные в 1970-е гг. советские политэкономы.

Стоит отметить, что поле советской экономической науки в то время отнюдь не отличалось единством. Экономической теорией занимались не только политэкономы, но и экономисты-математики, использовавшие не только признаваемый марксистами межотраслевой баланс, но и «еретические» производственные функции, и структуралистские модели (Ю.В. Яременко). Естественно, в рамках «кибернетического» подхода указанных выше тем просто не существовало. Но в отношении политэкономии социализма центральная роль принадлежала кафедре политэкономии МГУ, где формировался авторитетный (доминирующий) дискурс¹.

¹ В 1934 г. была восстановлена (упраздненная в 1919 г.) общеуниверситетская кафедра политической экономии, руководителем которой стал И.Д. Удальцов. В составе ее профессуры работали А.Ф. Кон, Д.И. Розенберг и другие. В 1941 г. был образован экономический факультет, одной из основных задач которого стала подготовка преподавателей политической экономии. Кафедра политической экономии до 1953 г. обслуживала все факультеты. В 1941–1943 гг. ею руководил С.Л. Выгодский, в 1943–1948 гг. — К.В. Островитянов, в 1948–1953 гг. — А.И. Пашков. В 1953 г. общеуниверситетская кафедра политической экономии была разделена на три кафедры: экономического факультета, гуманитарных и естественных факультетов. Кафедру политэкономии экономического факультета возглавляли: в 1953–1957 гг. — А.И. Пашков, 1957–1985 гг. — Н.А. Цаголов, в 1985–1987 гг. — И.И. Столяров, в 1987–1997 гг. — В.В. Радаев. С 1997 г. кафедрой руководит профессор А.А. Пороховский.

Теоретиков Института экономики АН СССР связывали с МГУ отношения сотрудничества — соперничества, как, впрочем, и с кафедрой политэкономии ЛГУ. Открытого противостояния не было, но, как мы надеемся показать далее, в отдельных случаях соперничество могло перерасти в реальную вражду.

Наконец, следует отметить еще и важное «слепое пятно», существующее в отношении как политэкономии социализма, так и истории СССР в целом. В 1970-е гг. советское руководство переходит от «курса на мировую революцию» к «политике мирного сосуществования», «разрядке» и, наконец, провозглашает наступление фазы «развитого социализма», которая будет весьма протяженной по историческим меркам. В ретроспективе такая смена дискурса означает неявное признание отказа от целого ряда важнейших идеологем ортодоксального марксизма — от идеи о том, что производительность труда при социализме будет расти кратно более высокими темпами по сравнению с капитализмом, сотрясаемом периодическими экономическими кризисами; от положения об «обнищании пролетариата», что приведет к революции; и даже от лозунга государства «диктатуры пролетариата» — признается, что на Западе важнейшую роль играет «средний класс». Но всё это не фиксируется не только советскими идеологами, но и их противниками, например такими, как А.А. Зиновьев и А.И. Солженицын. Внешне риторика мало меняется — СССР по-прежнему строит коммунизм, Запад «загнивает», социализм находится «в историческом наступлении». И если в 1950-е гг. политэкономия социализма вызывает живой интерес, то в 1970-е гг. она становится скучной. Со стороны представляется, что участники дискуссий обсуждают крайне далекие от жизни, метафизические проблемы, не имеющие никакого отношения к тем острейшим конфликтам, загадкам и интригам, которые всегда сопровождают расчеты доходов и издержек, дефицит денег, инновации (последние вообще невозможны без перераспределения власти и ресурсов).

Основное производственное отношение способа производства как проблема

«Каковы бы ни были общественные формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами. Но находясь в состоянии отдаления друг от друга, и те и другие являются его факторами лишь в возможности... Тот особый характер и спо-

соб, каким осуществляется это соединение, отличает различные экономические эпохи общественного строя» (Маркс, Энгельс, Т. 24. С. 43–44). Этот характер и способ соединения получает в литературе 1960–1980-х годов название основного производственного отношения. Первоначально содержание исходного и основного производственного отношения не различалось, и в целом обозначалось как «общественная собственность на средства производства». Такая позиция была, в частности, характерна и для учебника политэкономии 1954 года.

Понятие общественной собственности на средства производства является одним из самых «тёмных мест» как политэкономии социализма, так и марксизма в целом. Если совместное владение «имущественным комплексом» — общественная собственность, то в качестве таковой необходимо признать и кооперативную, и акционерную собственность. Кооперативы действительно считались «социалистической формой» (хотя их доминирование в Югославии характеризовалось как «анархо-синдикалистский уклон»), однако акционерная форма была «капиталистической». С другой стороны, государственная собственность, которая доминировала в СССР, не являлась чем-то новым — государственные монополии в той или иной форме возникают очень давно, уже при азиатском способе производства (Нуреев, 1976. С. 205–233). Естественно, что это не обсуждалось в учебниках политэкономии, тем более что подобные возражения можно было обойти с помощью простых риторических приемов — ведь государство и власть при капитализме принадлежат капиталистам, а при социализме — трудящимся. В учебнике 1954 г. так и указывалось: «В условиях социалистической системы народного хозяйства средства производства являются общественной собственностью, то есть принадлежат трудящимся в лице социалистического государства или в лице колхозов и других кооперативных объединений, ввиду чего продукты труда также принадлежат трудящимся; в условиях капиталистической системы хозяйства средства производства составляют частную собственность капиталистов и помещиков, ввиду чего продукты труда также принадлежат капиталистам и помещикам» (Политическая экономия, 1954. С. 284).

Такой подход был типичен для многих экономистов того времени (Островитянов, 1964; Минц, 1965; Румянцев, 1966).

Позиция Я. А. Кронрода: социализм как особый способ производства

Таковую же «традиционалистскую» позицию разделял и Я. А. Кронрод, старший научный сотрудник Института экономики АН СССР¹. Повторимся, учебник рассматривал социализм как то, что есть в СССР, а это означало признание наличия рынка, или «сферы товарно-денежных отношений». Но Кронрод шел несколько дальше, разделяя собственность на присвоение–распоряжение и присвоение — использование. «Присвоение — распоряжение... заключается в том, что люди один за другим исторически определенным образом соотносятся между собой по поводу включения в процесс производства накопленных средств производства, стало быть, по поводу форм соединения рабочей силы со средствами производства». Распоряжение состоит «в монополии на такое включение: или она есть монополия частных лиц или их групп, или она принадлежит обществу в целом». Такая монополия, по мнению Я. А. Кронрода, «и определяет общественный характер производства и труда» (Кронрод, 1966. С. 284). Эта шифровка, по сути, означает, что при социализме отсутствует рынок рабочей силы, поскольку рабочих нанимает «общество». Но использование средств производства осуществляется если и не отдельными работниками, то — трудовыми коллективами. Отсюда возникает и «экономическая обособленность» (формула, которая входила в юридические документы, характеризующие советские предприятия и объединения), а стало быть, между ними так или иначе может осуществляться торговля. Исходя из этого, можно прийти к выводу о существовании неравенства, основанного не только на «всесторонней дифференциации оплаты труда», но и на том, что трудовые коллективы используют разные по качеству заводские «имущественные комплексы». Цитируя Кронрода: «всенародная собственность как основное производственное отношение социализма включает в себе внутренние противоречия — противоречия между «формальным равенством» производителей в отношениях собственности как отношениях всенародного коллективного присвоения — распоряжения средствами производства — и фактическим неравенством в тех же отношениях собственности как отношениях присво-

¹ Я. А. Кронрод (1912–1984) работал в Институте экономики с 1940 по 1984 гг. Из Института экономики он ушел на фронт и вернулся в институт после окончания Великой Отечественной войны, возглавив сектор общих проблем политической экономии социализма.

ения — использования средств производства различными общественными группами трудящихся» (Там же. С. 306).

Развитие социалистического «товарного производства» — это то, что сейчас называют китайским социализмом. При рассмотрении развития советской экономики в ретроспективе представляется, что реформа 1965 г. как раз и являла собой такой прагматичный вариант «социализма». Более того, как свидетельствуют историки политэкономии социализма, в 1970-е гг. представление о социалистическом товарном производстве становится доминирующим, приобретая черты авторитетного дискурса². И тем не менее в 1972 г. сектор, которым руководил Я. А. Кронрод, был расформирован, а его самого в течение двух лет не переизбирали на должность старшего научного сотрудника Института экономики. Как пишет М. И. Воейков, эти жесткие организационные меры явились результатом обсуждения доклада Кронрода в Институте экономики (Воейков, 2012), где он, в частности, утверждал следующее: «Однако главный вывод (или вопрос) был поставлен так: „Перед наукой во весь рост встал принципиальный общий определяющий вопрос: что представляет собой социалистическая фаза коммунизма — есть ли это лишь относительно исторически кратковременная начальная ступень развития коммунистического способа производства или же это есть исторически особая длительная полоса развития человеческого общества, опирающаяся как на свой экономический фундамент — на социалистический способ производства, представляющий собой особый по сравнению с развитым коммунизмом способ производства, специфически исторический способ производства, открывающий эру коммунистического развития человечества, но являвшийся

² «В научной экономической литературе по-прежнему наиболее распространенной остается точка зрения, признающая социалистическое производство товарным. Так, в своей совместной статье А. М. Румянцев, Т. С. Хачатуров и А. И. Пашков указывали на товарность производства при социализме. Формула «товарный характер производства» при социализме использовалась в работах В. А. Пешехонова. Вполне определенную позицию занимал в этом вопросе и Д. К. Трифонов... В учебнике политической экономии для экономических вузов и факультетов справедливо утверждается, что «одной из важных особенностей, характеризующих непосредственно-общественное производство на стадии социализма, является необходимость производства продуктов как товаров». Такое же мнение по этому вопросу высказано нами в экономической энциклопедии...». (История политэкономии социализма, 1983. С. 300–301).

еще именно социалистическим способом (в отличие от прогрессивно друг друга сменяющих в процессе будущего общественного прогресса способов производства полного коммунизма). Другими словами, встал вопрос: представляет ли социализм как низшая начальная фаза коммунизма, т. е. как этап его становления, самостоятельный способ производства?» (Кронрод, 1970. С. 6).

Очевидно, что этот вывод непременно должен был последовать из характеристики «основного производственного отношения». Если социалистическая собственность представляет собой нечто особое, где «присвоение — распоряжение» и «присвоение — использование» разделены, это — особый способ производства. Критик Кронрода И. И. Кузьминов¹, в то время заведующий кафедрой экономических наук в Академии общественных наук при ЦК КПСС, указывал: «В этой схеме общие черты социализма и коммунизма смазаны, а на первое место выдвинуты специфические, в первую очередь, товарно-денежные. Автор обосновал наличие глубинных различий между социализмом и коммунизмом, в то время как в действительности следует исходить из их глубинных общих основ. Не случайно некоторые последователи Я. А. Кронрода, восприняв его концепцию, сделали из нее логические выводы, провозглашая необходимость конкуренции при социализме, толкуя распределение по труду по существу как распределение по рыночным условиям, рассматривая закон стоимости чуть ли не как основной экономический закон социализма, и т. д. Такая трактовка социализма, естественно, не укладывается в рамки первой фазы коммунизма. Но именно это-то обстоятельство и служит убедительным доказательством её непригодности» (Кузьминов, 1980. С. 20).

О чём говорил Кронрод? Предположим, что политэкономы согласились бы с ним и признали бы социализм отдельной общественно-экономической формацией? Но что из этого признания следует для экономики, для экономической теории? Ничего. Зато из этого следуют далеко идущие политические выводы. И они были сделаны, но отнюдь не в пользу варианта «китайского пути».

¹ Ради справедливости следует отметить, что в дискуссии вокруг доклада Кронрода и последующем расформировании сектора активное участие принимал В. Н. Черковец. Можно сделать достаточно правдоподобное допущение, что мнение ведущих политэкономов о ревизионизме Кронрода было общим.

Сделал свои политические выводы и Я. А. Кронрод. Он не отказался от социалистических взглядов, но решил, что в СССР в силу разных исторических обстоятельств победила нехорошая «социалистическая»². Это уже не было ни новым, ни оригинальным (критика особого слоя партийной номенклатуры, бюрократии была предпринята Л. Д. Троцким еще в 1920-е гг., развивалась позднее М. Джиласом, К.-А. Виттфогелем и многими другими).

В. П. Шкредов: попытка разграничить экономическую и юридическую стороны отношений собственности

В настоящее время экономисты-институционалисты, специализирующиеся в области экономики и права, различают несколько «режимов собственности». Режим свободного доступа не предполагает самого вопроса о том, кому принадлежит, но такой режим не предполагает и наличия «контроля за территорией», здесь отсутствует государство. Режим коллективного доступа может быть реализован в разных формах — от родоплеменной «собственности», которая уже предполагает охраняемые границы территории охоты и хозяйствования группы людей, до современного «клубного блага». Частная собственность предполагает исключительное владение субъекта тем или иным благом и/или ресурсом. Наконец, государственная собственность устанавливает доступ к ресурсам при помощи тех или иных формальных регламентов, законов.

Коммунистический лозунг «от каждого по способностям, каждому — по потребностям», среди прочего записанный К. Марксом в его «Критике Готской программы», неявно предполагал отрицание собственности, свободный доступ. В таком режиме советская экономика функционировать не могла. Общественную собственность нужно было как-то определить, «институционализировать» — и в первую очередь, со стороны юридически правовых отношений.

Важнейшей работой, в которой вводится понятие «экономическая обособленность [социалистических] производителей», была монография российского и советского правоведа А. В. Венедиктова «Правовая природа государственных предприятий» (Венедиктов, 1928). Это позволяло разграничить «вещные права», вступать в хозяйственные договоры, вводить санкции за их неисполнение. Позднее

² Рукопись была опубликована в сборнике (Кронрод, 1992) уже после смерти автора.

А.В. Венедиктов представил общественную собственность в качестве государственной, «легализовав» сложившееся общественное устройство как «социализм» (Венедиктов, 1948). Всё это, как мы уже указывали выше, шло в русле общего марксистского дискурса: социалистическое государство осуществляло власть трудящихся, и в качестве их представителя владело средствами производства. С позиций ретроспективного анализа стоит отметить две важные черты, присущие концепту «власти трудящихся»:

1) поскольку власть принадлежит «всем трудящимся», постольку социалистическое общество и государство — одно и то же. Появление «социалистического общества» как субъекта, отдельного от государства, знаменовало собой существенный сдвиг в когнитивной структуре советского обществоведения и его риторике. Это, в общем-то, и происходит окончательно в 1970-е (первые апелляции к «обществу», конечно же, начинаются в 1960-е в связи с «оттепелью», но они сравнительно редки), наряду с переходом к «развитому социализму». Отсюда оставался уже один шаг до «гражданского общества», который — по Гегелю — представляет собой не что иное, как общество эгоистичных индивидуалистов, частных собственников. Именно эта риторика, естественно, без упоминания частной собственности, начинает использоваться в 1980-е гг.;

2) общественная собственность на средства производства не имеет отношения к собственности на предметы потребления. Так, экономист-математик В.С. Немчинов говорил: «Если собственность на средства производства определяет классовую структуру общества, то собственность на предметы потребления и на личное имущество никакого отношения к классовой структуре не имеет» (Третий международный..., 1957. С. 31). Таким образом, неравенство в потреблении при социализме долгое время воспринималось как вполне легитимное; эгалитаризм советскому обществу стали приписывать уже в XXI в., задним числом идеализируя советскую действительность.

В конце 1960-х — 1970-е гг. к юридическому определению социалистической собственности обращается В.П. Шкрёдов¹. Он видел осо-

бую трудность в разграничении экономического и юридического аспектов отношений собственности и связанное с этим прояснение роли и места отношений собственности в системе производственных отношений. Эта специфическая для марксиста трудность заключалась в том, что в начале характеристики системы нельзя раскрыть всего богатства содержания ни производственных отношений, ни отношений собственности, ни тем более диалектики их взаимосвязи. Однако уже на этой ступени анализа необходимо было не только подчеркнуть их единство, но и показать простейшие различия.

В книге «Экономика и право. О принципах исследования производственных отношений в связи с юридической формой их выражения», опубликованной в издательстве «Экономика» еще в 1967 г., В.П. Шкрёдов старается последовательно провести разграничение между юридической формой собственности и ее экономическим содержанием. Если суммировать позицию Шкрёдова, то различия между экономической и юридической сторонами отношений собственности в первом приближении заключаются в следующем:

— если производственные отношения, составляющие экономическое содержание собственности, ограничиваются лишь отношениями между людьми, то право собственности включает в себя, как правило, два ряда отношений: «человек — вещь» и отношение «человек — человек», складывающееся по поводу первого отношения;

— производственные отношения обусловлены прежде всего уровнем развития производительных сил. Напротив, право собственности регулируется традицией или юридическими законами, определяющими порядок пользования, владения и распоряжения движимым и недвижимым имуществом;

— производственные отношения являются материальными отношениями, существующими объективно, независимо от воли и сознания людей. Право собственности есть волевое отношение, отражающее уровень развития юридического сознания в той или иной стране;

¹ В.П. Шкрёдов (1925–1996), как и Я.А. Кронрод, участник Великой Отечественной войны. После войны учился во Всесоюзном заочном юридическом институте и одновременно работал в налоговой инспекции. В 1951–1960 гг. преподавал в Киргизском государственном университете во Фрунзе (ныне Бишкек). В 1960 году переезжает в Москву и начинает работать на кафедре политической

экономики экономического факультета МГУ. В 1968 г. МГУ защитил докторскую диссертацию по экономике на тему «Принцип исследования производственных отношений в связи с юридической формой их выражения». После конфликта в 1978 г. перешел в Академию народного хозяйства при Правительстве РФ, где работал до своей кончины в 1996 г.

— производственные отношения охватывают лишь отношения между людьми по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ. Отношения собственности — более широкий круг отношений, в том числе и тех, которые не связаны непосредственно с экономическими отношениями.

В первой главе своей другой работы (1973) Шкредов останавливается на характеристике Марксом книги П.Ж. Прудона «Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти», вышедшей в 1840 г. Поводом для ее оценки Марксом послужила статья Э. Бауэра «Прудон», опубликованная в V выпуске «Всеобщей литературной газеты» в апреле 1844 г. Работа Прудона произвела на Маркса и Энгельса большое впечатление не только «дерзкой манерой» изложения, но и прежде всего критикой частной собственности. «Все рассуждения политической экономии, — писал К. Маркс, характеризуя буржуазную экономическую науку, — имеют своей предпосылкой частную собственность. Эта основная предпосылка принимается ею в качестве непреложного факта, не подвергаемого ею никакому дальнейшему исследованию... Прудон же подвергает основу политической экономии, частную собственность, критическому исследованию, и притом — первому решительному, беспощадному и в то же время научному исследованию. В этом и заключается большой научный прогресс, совершенный им, — прогресс, который революционизирует политическую экономию и впервые делает возможной действительную науку политической экономии» (Маркс, Энгельс, Т. 2. С. 34).

Что привлекло К. Маркса в этой концепции Прудона? В отличие от буржуазных экономистов, принимавших отношения частной собственности за человеческие и разумные, Прудон показывает, что результатом частной собственности является «бесчеловечная действительность». Буржуазные экономисты нападали на какие-либо отдельные формы частной собственности, тем не менее они оправдывали ее в целом. В отличие от них главным фактором, «фальсифицирующим экономические отношения», Прудон считает не тот или иной вид частной собственности, а частную собственность как таковую, «в ее всеобщности» (Там же. С. 35–36). Такой подход импонировал молодому Марксу, потому что он и сам стремился преодолеть ограниченность буржуазной политэкономии. На это обращает внимание В.И. Ленин, конспектируя «Святое семейство»: «Маркс защищает Прудона от критиков

«Литературной Газеты», противопоставляя спекуляции свои явно социалистические идеи. Тон Маркса по отношению к Прудону очень хвалебный (хотя есть небольшие оговорки...»).

Маркс подходит здесь от гегелевской философии к социализму: переход наблюдается явно — видно, чем уже овладел Маркс и как он переходит к новому кругу идей» (Ленин, Т. 29. С. 8).

Действительно, работа «Святое семейство» носит переходный характер. Однако уже в этот период К. Маркс понимает ограниченность подхода Прудона, не сумевшего критически переработать буржуазную экономическую науку. «...Произведение Прудона «Что такое собственность?», — пишет К. Маркс, — представляет собой критику политической экономии с точки зрения политической экономии» (Маркс, Энгельс, Т. 2. С. 33). Много лет спустя, в 1865 г., К. Маркс еще более критично оценил значение этого произведения. «В строго научной истории политической экономии, — пишет он в письме к И.Б. Швейцеру, — книга эта едва ли заслуживала бы упоминания» (Маркс, Энгельс, Т. 16. С. 25).

Характеристика этих старых социал-демократических споров понадобилась Шкредову для того, чтобы показать своим читателям (и возможным критикам) то, что он тоже вслед за Марксом полагает, что собственность является исторической категорией. Итак, Маркс: «Стремиться дать определение собственности как независимого отношения, как особой категории, как абстрактной и вечной идеи значит впадать в метафизическую и юридическую иллюзию» (Маркс, Энгельс, Т. 4. С. 168). И — сам Шкредов: «Собственность как особое общественное отношение является предметом юридической науки. Именно в юриспруденции она образует исходную основную категорию» (Шкредов, 1967. С. 137). Но в чем смысл этой категории? «Само по себе владение средствами производства характеризует волевое отношение к материальному условию труда и является лишь необходимой всеобщей предпосылкой общественного производства... Собственность как форма проявления объективных отношений производства представляет собой единство фактически осуществляющихся отношений людей к вещам и их общественных, производственных отношений друг к другу... Общественные отношения тем самым на поверхности явлений приобретают вид отношения человека к вещам, выступают просто как власть человека, осуществляющего владение, пользование, распоряжение вещами, на-

ходящимися в сфере его господства» (Шкрёдов, 1967. С. 19, 23).

Несмотря на все предварительные цитаты Маркса, такое описание «общественных отношений» через «отношение человека к вещам» вела автора к фактическому сведению собственности к «вещным правам». Само по себе это вполне укладывалось в концепцию А.В. Венедиктова, но при этом исчезала та самая пресловутая специфика социализма, получалось, что основное производственное отношение может быть одинаковым для разных общественных устройств, и только его «производные», «надстроечные» (т. е. социальные и политические) отношения, определяющие институты государства, становятся системообразующими. Отсюда следует логичный вывод: чтобы определить разницу между «социализмом» и «капитализмом», нужно анализировать политический строй (государство) и социальные институты. По понятным причинам В.П. Шкрёдов никогда не выступал с такой позицией.

Любопытно отметить, что такой формально-юридический подход к определению «социалистической собственности» по сути совпадает с запретом на математическое доказательство тождеств с помощью «умножения на ноль». Но так и должно быть. Если коммунистическая собственность предполагает режим свободного доступа, что означает отрицание института собственности, то поиск специфики социализма (первой ступени коммунистического способа производства) необходимо приводит к анализу «надстройки», а не базиса (особенно если учитывать сходство в производительных силах).

Выйти из этого когнитивного тупика политэкономия социализма была не в силах. Анализ «основного производственного отношения» не позволял добиться приемлемого определения специфики социализма, а отказ от этого концепта означал разрыв со всей методологией марксизма, что обрушивало всю дисциплину политэкономии социализма.

Споры вокруг исходного отношения капитализма: проблема сакральности текстов классиков

В первом отделе 1-го тома «Капитала» Маркса «Товар и деньги» (главы 1–3) изложены основы теории стоимости. Речь идет, прежде всего, о различии между меновой стоимостью и стоимостью, товарном фетишизме, о двойственном характере заключенного в товарах труда. Таким образом, и в первом, и во втором отделах первого тома «Капитала» изучается

отнюдь не товарное производство (его анализ начинается с 5-й главы), а товарное обращение, внутри и посредством которого осуществляется воспроизводство и развитие капитала. Это отражает и название глав. Первая глава — «Товар», вторая — «Процесс обмена», третья — «Деньги, или обращение товаров». Ни о каком простом товарном производстве или стадиях его превращения в капиталистическое производство речь не идет. На это и обратил внимание В.П. Шкрёдов (1973. С. 41–66). Вторая глава его монографии называется «Первоначало системы — товар и простое товарное обращение», посвященная анализу первого отдела. Это представляло разрушение давно сложившегося стереотипа, к тому же закрепленного авторитетом двух программ партии большевиков, где говорилось о «товарном производстве на основе капиталистических отношений»!

В 1975 г. на экономическом факультете МГУ вокруг этих работ состоялись дискуссии, в результате которых В.П. Шкрёдов был вынужден уйти из университета.

Так, в развитии капитализма по В.И. Ленину (статья «По поводу так называемого вопроса о рынках») важны два момента: «1) превращение натурального хозяйства непосредственных производителей в товарное; 2) превращение товарного хозяйства в капиталистическое» (Ленин, Т. 1. С. 87). В работе «По поводу так называемого вопроса о рынках» В.И. Ленин представил абстрактно-теоретическую схему такого превращения, в рамках которой он выделяет «6 периодов, выражающих стадии превращения натурального хозяйства в капиталистическое». Появление товара «рабочая сила» знаменует перерастание простого товарного производства в капиталистическое.

Такая схема носила слишком умозрительный характер и породила позднее ложное представление о том, что товарное производство само по себе (в любых условиях!) способно перерасти в капитализм¹. Возникшее на Древнем Востоке товарное производство тысячелетиями существовало в порах господствующего натурального хозяйства и смогло перерасти в капиталистическое лишь с появлением так называемого первоначального капитала рынка труда. В «Развитии капитализма в России» — ранней работе В.И. Ленина — приводятся данные о появлении широкого класса

¹ Далее эта ошибка будет закреплена в афористичной фразе в «Детской болезни „левизны“ в коммунизме»: «Мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом размере» (Ленин, Т. 41. С. 6).

капиталистов и наемных работников в аграрном секторе. Однако при пересчете получается, что на каждого такого капиталиста приходится всего 1,3 наемного работника. Вдобавок, если принять во внимание сохраняющиеся пережитки крепостного права (отработки, «зимней наёмки» и т. п.), о победе капитализма в царской России говорить было рановато (Нуреев, 2013).

Эти ленинские ошибки могли быть отмечены историками мысли (Нуреев, 1999; Нуреев, 2018), однако в 1970-х гг. В.П. Шкредов обратил внимание на два важных момента. Во-первых, неверная оценка российского капитализма вошла в политические документы — как первую (1903), так и вторую (1918) программы большевиков. А во-вторых, с подачи Ленина в русскую марксистскую литературу вошло ошибочное представление о том, что предметом исследования первого отдела тома I «Капитала» являются не товар и товарное обращение, а товарное производство, что неверно. Учитывая то, что труды Ленина, как и Маркса, в СССР уже давно стали аналогом «святого писания», неизвестно, что было хуже — программные ошибки большевиков или признание того, что Ленин неправильно понимал Маркса.

С критикой В.П. Шкредова выступили Н.А. Цаголов и особенно Н.В. Хессин, выпустившей еще в 1968 г. монографию, посвященную анализу ленинских работ 1990-х годов (Хессин, 1968). В 1978 г. Шкредов был вынужден перейти из МГУ в Академию народного хозяйства.

Вместо заключения

История с замечаниями Шкредова по поводу понимания молодым В.И. Ульяновым —

Лениным «Капитала» показывает, что к 1970-м гг. советская политэкономия исключила важнейший необходимый элемент развития любой научной дисциплины — возможность критики и уточнения положений предшественников. Это важное дополнение — вопрос об оценках степени развития капитализма в России, казалось бы, являлся менее опасным, чем вопрос о том, что же собой представляет социалистическая собственность.

Любопытно другое: несмотря на то, что политическая экономия социализма сохраняла прежний дискурс, риторика ЦК КПСС постепенно менялась. Как мы писали во вводном разделе, были провозглашены «развитой социализм», политика «разрядки и мирного сосуществования». И если бы — случись такой казус — коллеги Кронрода признали бы его правоту и решили бы, что социалистическая собственность является основанием особого, «не-коммунистического» способа производства, по отношению к политэкономической профессиональной корпорации не последовало бы извне никаких карательных мер. Их просто не могло быть — как в силу отсутствия «вины», так и в силу исчезновения соответствующих практик; более того, указанное признание как раз соответствовало бы тогдашнему политическому курсу. Поэтому судьба политэкономии социализма находилась в руках самих политэкономов. «Ревизионизм» Кронрода и/или «оппортунизм» Шкредова по отношению к «основному производственному отношению» социализма запрещался актуальной на тот момент структурой когнитивности советской политэкономии, а отнюдь не «ползучими сталинистами» из ЦК КПСС.

Список источников

- Бодрийяр Ж.* К критике политической экономии знака. М.: Библион — Русская книга, 2003. 335 с.
- Венедиктов А. В.* Государственная социалистическая собственность. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 840 с.
- Венедиктов А. В.* Правовая природа государственных предприятий. Л.: Прибой, 1928. 184 с.
- Воейков М. И.* Я. А. Кронрод и дилеммы советской политэкономии (к 100-летию со дня рождения) // TERRA ECONOMICUS. 2012. Т. 10. № 2. С. 54–65.
- Лапина Г. Е., Широкопад Л. Д., Абалкин Л. И.* и др. История политической экономии социализма / Под ред. Д. К. Трифонова и Л. Д. Широкопада. Л.: ЛГУ, 1983. 606 с.
- Кламер А.* Странная наука экономика: приглашение к разговору. М.: Изд-во Института Гайдара; СПб.: Факультет свободных наук и искусств СПбГУ, 2015. 311 с.
- Кронрод Я. А.* Законы политической экономии социализма: Очерки методологии и теории. М.: Мысль, 1966. 581 с.
- Кронрод Я. А.* Основы развитого социалистического способа производства (тезисы доклада) // Тезисы докладов на Институтской Научной конференции по проблеме «Марксистско-ленинская теория развитой социалистической экономики». М.: Институт экономики АН СССР, 1970. 179 с.
- Кронрод Я. А.* Очерки социально-экономического развития XX века. М.: Наука, 1992. 236 с.
- Кузьминов И. И.* Очерки политической экономии социализма. От социализма к коммунизму. М.: Мысль, 1980. 254 с.
- Ленин В. И.* Полн. собр. соч.: в 55 томах. М.: Госполитиздат, 1958–1965.

- Макклоски Д. Риторика экономической науки. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; «Международные отношения», Факультет свободных наук и искусств СПбГУ, 2015. 328 с.
- Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.: в 50 томах. М. Госполитиздат, 1955–1974.
- Миц Б. Политическая экономия социализма. М.: Прогресс, 1965. 599 с.
- Нуреев Р. М. «Капитал» Маркса vs «Развитие капитализма в России»: В. И. Ленина: общие черты и различия // Журнал институциональных исследований. 2018. Т. 10. № 1. С. 6–23. DOI: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2018.10.1.006-023>
- Нуреев Р. М. Признаки основного производственного отношения и дискуссия об азиатском способе производства // Механизм функционирования производственных отношений в условиях развитого социализма. М.: Институт экономики, 1976. С. 205–233.
- Нуреев Р. М. Развитие капитализма в России: первый ленинский шаг от схематизма к реальности (возвращаясь к напечатанному) // Развитие капитализма в России — сто лет спустя. Москва; Волгоград, 1999. С. 87–112.
- Нуреев Р. М. Россия: плюсы и минусы раннего распространения идей марксизма вширь // Журнал институциональных исследований. 2013. Т. 5. № 3. С. 14–57.
- Островитянов К. В. Методологические вопросы политической экономии социализма // Вопросы экономики. 1964. № 9.
- Политическая экономия: учебник / К. В. Островитянов, Д. Т. Шепилов, И. Д. Лаптев, И. И. Кузьминов, Л. М. Гатовский. М.: Госполитиздат, 1954. 454 с.
- Румянцев А. М. О категориях и законах политической экономии коммунистической формации. М.: Мысль. 1966. 422 с.
- Федосеев П. Н., Немчинов В. С., Кечекьян С. Ф. Третий международный конгресс социологов. Стенограмма доклада и выступлений в центр. лектории о-ва «Знание». М.: Знание, 1957. 63 с.
- Хессин Н. В. В. И. Ленин о сущности и основных признаках товарного производства. М.: Изд-во МГУ, 1968. 191 с.
- Шкредов В. П. Метод исследования собственности в «Капитале» К. Маркса. М.: Изд-во МГУ, 1973. 262 с.
- Шкредов В. П. Экономика и право. О принципах исследования производственных отношений в связи с юридической формой их выражения. М.: Экономика. 1967. 189 с.

References

- Baudrillard, J. (2003). *K kritike politicheskoj ekonomii znaka [Toward A Critique of The Political Economy of the Sign]*. Moscow, Russia: Biblion — Russkaya kniga, 335. (In Russ.)
- Venediktov, A. V. (1948). *Gosudarstvennaya sotsialisticheskaya sobstvennost' [State socialist property]*. Moscow, Leningrad, Russia: Izd-vo AN SSSR, 840. (In Russ.)
- Venediktov, A. V. (1928). *Pravovaya priroda gosudarstvennykh predpriyatij [The legal nature of state-owned enterprises]*. Leningrad, Russia: Priboy, 184 (In Russ.)
- Voeykov, M. I. (2012). Ya. A. Kronrod i dilemmy sovetskoj politekonomii (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya) [J. A. Kronrod and dilemmas of Soviet political economy (to the centenary of J. A. Kronrod)]. *TERRA ECONOMICUS*, 10(2), 54–65. (In Russ.)
- Lapshina, G. E., Shirokorad, L. D., Abalkin, L. I. et al. (1983). *Istoriya politicheskoj ekonomii sotsializma [History of the Political Economy of Socialism]*. In D. K. Trifonov, & L. D. Shirokorad (Eds.). Leningrad, Russia: LGU, 606. (In Russ.)
- Klamer, A. (2015). *Strannaya nauka ekonomika: priglazheniye k razgovoru [Speaking of Economics: How to Get in the Conversation]*. Moscow, Russia: Izd-vo Instituta Gaydara; Saint-Petersburg, Russia: Fakul'tet svobodnykh nauk i iskusstv SPbGU, 311. (In Russ.)
- Kronrod, Ya. A. (1966). *Zakony politicheskoj ekonomii sotsializma [The laws of the political economy of socialism]*. Moscow, Russia: Mysl', 581. (In Russ.)
- Kronrod, Ya. A. (1970). Osnovy razvitogo sotsialisticheskogo sposoba proizvodstva (teziy doklada) [Production basis of a developed socialist mode (theses of the report)]. *Teziy dokladov na institutskoy nauchnoy konferentsii po probleme «Marksistsko-leninskaya teoriya razvitoy sotsialisticheskoy ekonomiki» [Abstracts of reports at the Institute Scientific Conference on the problem «Marxist-Leninist theory of a developed socialist economy]*. Moscow, Russia: Institut ekonomiki AN SSSR, 179. (In Russ.)
- Kronrod, Ya. A. (1992). *Ocherki sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya XX veka [Essays on the socio-economic development of the XX century]*. Moscow, Russia: Nauka, 236. (In Russ.)
- Kuz'minov, I. I. (1980). *Ocherki politicheskoj ekonomii sotsializma. Ot sotsializma k kommunizmu [Essays on the Political Economy of Socialism. From socialism to communism]*. Moscow, Russia: Mysl', 254. (In Russ.)
- Lenin, V. I. (1958–1965). *Poln. sobr. soch.: v 55 tomakh [Complete works: in 55 volumes]*. Moscow, Russia: Gospolitizdat. (In Russ.)
- McCloskey, D. (2015). *Ritorika ekonomicheskoy nauki [The Rhetoric of Economics]*. Moscow, Russia; Saint Petersburg, Russia: Izd-vo Instituta Gaydara; “Mezhdunarodnyye otnosheniya”, Fakul'tet svobodnykh nauk i iskusstv SPbGU, 328. (In Russ.)
- Marx, K., & Engels, F. (1955–1974). *Soch. 2-ye izd.: v 50 tomakh [Collected works. 2nd Edition. In 50 volumes]*. Moscow, Russia: Gospolitizdat. (In Russ.)

Mints, B. (1965). *Politicheskaya ekonomiya sotsializma [The Political Economy of Socialism]*. Moscow, Russia: Progress, 599. (In Russ.)

Nureev, R. M. (2018). “Kapital” Marksa vs “Razvitiye kapitalizma v Rossii”: V. I. Lenina: obshchiye cherty i razlichiya [“Capital” by Marx vs “The Development of Capitalism in Russia” by V. I. Lenin: Similarities and Differences]. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy [Journal of Institutional Studies]*, 10(1), 6–23. DOI: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2018.10.1.006-023> (In Russ.)

Nureev, R. M. (1976). Priznaki osnovnogo proizvodstvennogo otnosheniya i diskussiya ob aziatskom sposobe proizvodstva [Signs of a basic industrial relations and discussion of the Asiatic mode of production]. *Mekhanizm funktsionirovaniya proizvodstvennykh otnosheniy v usloviyakh razvitogo sotsializma [Industrial relations mechanism for functioning in development of socialism]*. Moscow, Russia: Institut ekonomiki, 205–233. (In Russ.)

Nureev, R. M. (1999). Razvitiye kapitalizma v Rossii: pervyy leninskiy shag ot skhematizma k real'nosti (vozvrashchayas' k napechatannomu) [The Development of capitalism in Russia: The first step of Lenin from schematism to reality (returning to the printed)]. *Razvitiye kapitalizma v Rossii — 100 let spustya [The Development of Capitalism in Russia — 100 Years Later.]*. Moscow; Volgograd, 87–112. (In Russ.)

Nureev, R. M. (2013). Rossiya: plyusy i minusy rannego rasprostraneniya idey marksizma vshir' [Russia: pros and cons early spread of Marxism in breadth]. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy [Journal of institutional studies]*, 5(3), 14–57.

Ostrovityanov, K. V. (1964). Metodologicheskiye voprosy politicheskoy ekonomii sotsializma [Methodological issues of the political economy of socialism]. *Voprosy ekonomiki [Voprosy Ekonomiki]*, 9. (In Russ.)

Ostrovityanov K. V., Shepilov D. T., et al. (1954). *Politicheskaya ekonomiya. Uchebnik [Political Economy. Book]*. Moscow, Russia: Gospolitizdat, 454. (In Russ.)

Rumyantsev, A. M. (1966). *O kategoriyakh i zakonakh politicheskoy ekonomii kommunisticheskoy formatsii [Categories and laws of the political economy of the communism]*. Moscow, Russia: Mysl', 422. (In Russ.)

Fedoseev, P. N., Nemchinov, V. S., & Kechek'yan, S. F. (1957). *Tretiy mezhdunarodnyy kongress sotsiologov [Third International Congress of Sociologists]. Stenogramma doklada i vystupleniy v tsentr. lektorii o-va “Znanie” [Report of lectures in “Znanie”]*. Moscow, Russia: Znaniye, 63. (In Russ.)

Khessin, N. V. (1968). *V. I. Lenin o sushchnosti i osnovnykh priznakakh tovarnogo proizvodstva [V. I. Lenin on the essence and basic features of commodity production]*. Moscow, Russia: Izd-vo MGU, 191. (In Russ.)

Shkredov, V. P. (1973). *Metod issledovaniya sobstvennosti v «Kapitale» K. Marksa [The method of property research in K. Marx “Capital”]*. Moscow, Russia. Izd-vo MGU., 262. (In Russ.)

Shkredov, V. P. (1967). *Ekonomika i pravo. O printsipakh issledovaniya proizvodstvennykh otnosheniy v svyazi s yuridicheskoy formoy ikh vyrazheniya [Study on the principles of industrial relations in connection with the legal form of their expression]*. Moscow, Russia: Ekonomika, 189. (In Russ.)

Информация об авторах

Нуреев Рустем Махмутович — доктор экономических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, научный руководитель департамента экономической теории, Финансовый университет при Правительстве РФ; главный научный сотрудник, Институт экономики РАН (Москва, Российская Федерация; e-mail: nureev50@gmail.com).

Ореховский Петр Александрович — доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором философии и методологии экономической науки, главный научный сотрудник, Институт экономики РАН (Москва, Российская Федерация; e-mail: orekhovskypa@mail.ru).

About the Authors

Rustem M. Nureev — Doctor of Economics, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Scientific Director of the Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation; Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation; e-mail: nureev50@gmail.com).

Petr A. Orekhovsky — Doctor of Economics, Professor, Head of the Sector of Philosophy and Methodology of Economic Science, Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation; e-mail: orekhovskypa@mail.ru).

Дата поступления рукописи: 08.02.2021.

Прошла рецензирование: 2.03.2021.

Принято решение о публикации: 9.04.2021.

Received: 8 Feb 2021.

Reviewed: 2 March 2021.

Accepted: 9 Apr 2021.